

На правах рукописи

Галиева Регина Рифовна

**СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ДЕСТРУКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале произведений русской литературы
конца XX – начала XXI в.)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Уфа – 2016

Работа выполнена на кафедре русской и сопоставительной филологии факультета башкирской филологии и журналистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Фаткуллина Флюза Габдуллиновна

**Официальные
оппоненты:** **Сулейманова Альмира Камиловна,**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
кафедра русского языка и литературы,
заведующий кафедрой

Закирова Елена Сергеевна,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский
государственный машиностроительный
университет (МАМИ)», директор Центра
подготовки переводчиков в сфере
профессиональной коммуникации

Ведущая организация: Елабужский институт (филиал) ФГАОУ
ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Защита состоится «06» апреля 2016 г. в 13-00 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.013.02 при ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» по адресу: 450076, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета по адресу: 450076, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32 и на сайте <http://www.bashedu.ru/autoref>.

Автореферат разослан « »

2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Сергеева Л.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено анализу значений и особенностей функционирования глаголов со значением деструктивного действия на материале художественного текста.

В последние десятилетия внимание ученых привлекают семантические классы русских глаголов, что связано с ростом интереса к изучению функционально-смысловой стороны языка, а также с тем, что именно глагольная лексика обозначает не отдельные явления, а явления-ситуации, явления-действия. В данной работе мы рассматриваем глагольные единицы как средства репрезентации деструктивности в пределах художественного текста. По мнению исследователей, язык современной художественной литературы максимально приближен к разговорному стилю, опирается на разговорную стилистику, фиксируя динамику жизни социума [Бабенко 2008; Беневоленская 2005; Минаев 2007], поэтому для него характерны антинормативность, агрессивность, десемантизация и деструкция.

Русская литература конца XX – начала XXI в. отражает переломную эпоху в истории страны. Коренные преобразования в экономике и политике наложили отпечаток и на отношения между людьми во всех сферах жизни, что не могло не отразиться в произведениях художественной литературы. Здесь активно употребляются соответствующие языковые единицы для описания человеческих отношений, номинации новых явлений и предметов.

Актуальность диссертационного исследования определяется прежде всего интересом к проблеме актуализации отдельных концептуальных фрагментов действительности, усилением проявлений деструктивности в современном обществе и, соответственно, необходимостью расширения и углубления знаний о деструктивном коммуникативном поведении индивида с целью выработки стратегии и тактики противодействия росту деструктивности во всех сферах жизни.

Отметим, что анализ особенностей функционирования глагольной лексики выполнен в русле современного этапа развития языкознания, когда происходит переход от исследования отдельных языковых элементов к изучению языка текста в целом.

Актуальность работы заключается в системном когнитивном анализе глаголов деструктивного действия, выявлении их семантических категориальных признаков, особенностей глагольной номинации, учитывающей человеческий фактор в языке и рассматривающей последний в тесной взаимосвязи с мышлением и практической деятельностью человека.

Глаголы с деструктивной семантикой достаточно полно исследованы с точки зрения их семантической структуры, лексической и синтаксической сочетаемости, деривационных связей. Однако единицы, составляющие данную лексико-семантическую группу (ЛСГ), характеризуются неоднородностью.

В современном отечественном языкознании глаголы деструктивной семантики чаще рассматриваются не в системном аспекте, а в качестве иллюстративного материала для описания каких-либо языковых аспектов (морфологических, синтаксических, стилистических) или же на уровне отдельных лексем: [Языковая номинация 1977], [Шмелев 1977], [Уфимцева 1980], [Апресян 1995], [Кустова 1997], [Петрова 1996, 2002], [Падучева 2004], [Нахрачева 2014]. Имеются труды, освещающие отдельные подгруппы ЛСГ деструктивных глаголов, к примеру глаголы нанесения удара [Фоменко 1975], лишения жизни [Ивлиев 1998], отделения [Клеопатрова 1985], разделения [Боровикова 1982]. Ряд авторов исследуют глаголы деструктивного действия в рамках более крупных классов, таких, к примеру, как класс глаголов обработки [Новоселова 1985], глаголов действия [Кильдибекова 1983], глаголов физического воздействия на объект [Бабенко 1999], [Потапенко 1976, 1982]. Заметим, что многие ученые, рассматривающие деструктивные глаголы, пользуются различной терминологией: «глаголы деструкции, деструктивные глаголы, глаголы с деструктивной семантикой» [Козинец 1999], [Фаткуллина 1999, 2002, 2010, 2014], [Валько 2005], «глаголы разрушения» [Бабенко 1999], [Разова 2003], «глаголы с общим значением разрушительного воздействия на объект» [Потапенко 1976]. Впервые глаголы деструкции были выделены в отдельную ЛСГ в работах М.В. Прокопова [Прокопов 1945], затем Т.А. Потапенко [Потапенко 1982], Э.Х. Сувановой [Суванова 1985], Л.Г. Бабенко [Бабенко 1999], Ф.Г. Фаткуллиной [Фаткуллина 2002], Е.В. Разовой [Разова 2003]. Исследователи включают в семантические

классификации различное количество лексем, что обусловлено целями и задачами каждой конкретной работы.

Подробный анализ научной литературы по изучению различных ЛСГ глаголов деструктивного действия показал, что еще ждет рассмотрения ряд вопросов:

- 1) не выявлены принципы номинации ситуации деструктивного действия в пределах художественного текста;
- 2) не рассмотрены механизмы формирования вторичных регулярных значений, развиваемых указанными глаголами;
- 3) не исследованы особенности функционирования данной группы глаголов в пространстве художественного текста.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые рассмотрена глагольная лексика как средство выражения деструкции в произведениях русской литературы конца XX – начала XXI в.; реконструирована семантическая структура деструктивных глаголов; рассмотрены языковые средства, обеспечивающие художественную экспликацию деструкции слова и повествования; проанализированы семантические изменения в смысловой структуре глагольных лексем, которые отражают общезыковые закономерности и индивидуально-авторское употребление.

Объектом исследования является глагольная лексика, используемая для передачи деструктивных явлений и ситуаций, **предметом** – функционально-семантические и когнитивные свойства деструктивных глаголов в произведениях русской литературы эпохи постмодерна.

Цель исследования – выявить закономерности и особенности функционирования глагольной лексики, выражающей деструктивные явления и ситуации, в произведениях современных писателей.

Данная цель обусловила конкретные **задачи** исследования:

- определение круга глагольной лексики, при помощи которой современные авторы отражают в своих произведениях деструктивные явления и ситуации;

- рассмотрение вопроса о роли глагола в русской лексике, определение его места в системе частей речи современного русского языка, особенностей функционирования глагольных единиц в

пространстве художественного текста, принципов и методов классификации глаголов;

- построение классификации отобранных деструктивов по тематическому принципу, выявление доминирующих групп;

- установление смысловой структуры глагольных словоформ, функционирующих в контексте;

- выявление семантических изменений в смысловой структуре глагола;

- выявление особенностей индивидуально-авторского выражения деструкции в текстах современной российской прозы;

- рассмотрение особенностей употребления глаголов деструктивного действия в художественном дискурсе.

Материалом исследования послужили около 3000 случаев употребления деструктивных глаголов (глаголов, которые в текстах обозначают деструктивные ситуации и явления), извлеченных из произведений конца XX – начала XXI в. методом сплошной выборки.

В качестве основных **источников** языкового материала выбраны произведения Ю. Буйды «На живодерне», «Город Палачей», С. Гандлевского «<НРЗБ>», Е. Гришковца «Гвардейск – Ибица // Как я съел собаку», В. Пелевина «Жизнь насекомых», «Generation П», Л. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей», Т. Толстой «Кысь», Н. Садур «Немец», В. Сорокина «Голубое сало», «Тринадцатая любовь Марины», С. Соколова «Школа для дураков», Ю. Мамлеева «Шатуны», «Темная вода», «Черное зеркало», М. Шишкина «Венерин волос» и др.

Методологическими основами диссертационной работы явились положения о системности и антропоцентричности языка, взаимосвязанности и взаимообусловленности языковых единиц в процессе функционирования языковой системы.

В соответствии с поставленными задачами и спецификой объекта исследования в работе использованы следующие **методы**: структурно-семантический и когнитивный, которые позволяют классифицировать рассматриваемые деструктивные глаголы; описательный, включающий наблюдение и интерпретацию языкового материала; контекстуальный анализ, раскрывающий изменения в смысловой структуре глагольной словоформы и

особенности ее функционирования; приемы количественного анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. В языке русской литературы последней четверти XX – начала XXI столетия ситуации деструктивного действия выражаются сложившимися в системе языка глаголами деструктивной семантики (глаголами разрушения, разделения, уничтожения, отделения, нарушения структуры, удара и др.).

2. Семантическая структура деструктивных глаголов образуется категориально-лексической семой 'деструкция' и семантическими и грамматическими признаками. Семантическими признаками являются указание на «воздействие на структуру» и «нарушение структуры» / «уничтожение» / «негативное функциональное изменение». В грамматические признаки деструктивных глаголов включаются «каузативность» и «активность» для переходных глаголов, «инактивность» и «результативность» для непереходных. Сходные признаки каузативных глаголов и глаголов деструкции дают основание для интерпретации деструктивного действия как частного случая каузативной ситуации.

3. В структуре значения деструктивных глаголов фиксируется связь между участниками ситуации (субъектом и объектом деструкции), а также характеризуются способ, цель, результат деструктивного действия, идентифицирующие конкретную ситуацию деструктивного действия.

4. Функционируя в контексте, глаголы деструктивной семантики соотносятся с внеязыковой ситуацией деструктивного воздействия, отражая различные ее аспекты. Сложный номинативный характер и неоднородность распределения категориальных и семантических признаков в структуре значения глаголов, а также информационно-семантические сдвиги при их употреблении обусловлены наличием нескольких участников и разных компонентов деструктивной ситуации.

5. Функциональная характеристика деструктивных глаголов определяется индивидуальным стилем писателя, а также социальным статусом и речевым поведением героев.

Методологическую основу предлагаемого исследования составляют научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений:

1) лингвоконцептологии и когнитивной лингвистики (А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин и др.);

2) семиотики (Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Ю.С. Степанов);

3) лексической семантики (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев, В.Г. Гак, В.Л. Ибрагимова, И.М. Кобозева, Ф.Г. Фаткуллина и др.);

4) литературоведения (Вяч. Курицын, А.И. Новиков, Р.С.-И. Семькина, М. Эпштейн и др.).

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения ее выводов и материалов исследования в целях совершенствования понимания текста и его адекватной интерпретации. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке лекционных курсов по современному русскому языку, языку художественной литературы, лингвистике текста, в спецкурсах по семантике, когнитивной лингвистике и по лингвопоэтике художественной литературы.

Теоретическая значимость. Результаты диссертационной работы могут послужить материалом для дальнейших исследований системных отношений в лексике, когнитивных и функциональных свойств глаголов различных классов, типов семантических варьирований и семантической деривации в сфере глагола, для изучения языковых особенностей текстов.

Апробация работы. Результаты диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русской и сопоставительной филологии, на научно-методическом семинаре аспирантов и соискателей Башкирского государственного университета. Результаты исследования были опубликованы в сборниках научных трудов (Уфа 2007, 2009, 2011, 2014), (Одесса 2013), (Белгород 2015) и представлены на различных межвузовских, региональных, всероссийских и международных научно-методических и научно-практических конференциях (Уфа 2012, 2013; Одесса 2013; Белгород 2015).

По теме диссертации опубликовано 14 статей, из них 4 – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ: 1. Башарова Р.Р. Каузальная ситуация и способы ее выражения в языке // Вестник Башкирского государственного университета. – 2011. – № 3(1). – Т. 16. – С. 1057-1058; 2. Башарова Р.Р. Культурно-антропологический уровень феномена деструктивности – Вестник Башкирского государственного университета. – 2011. – № 3(1). – Т. 16. – С. 1059–1062; 3. Галиева Р.Р., Фаткуллина Ф.Г. Лингвофилософский аспект категории деструктивности / Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 185–189; 4. Галиева Р.Р. Функциональные признаки «участников» прототипической ситуации деструктивного действия // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/122-21307> (дата обращения: 17.08.2015).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и энциклопедий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна исследования, отмечается его теоретическая и практическая значимость; определяются объект, предмет, материал исследования; обозначаются использованные методы исследования, формулируются цель и задачи диссертационной работы; излагаются выносимые на защиту положения; приводятся сведения об апробации результатов работы и ее структуре.

В первой главе **«Проблемы изучения глагольной лексики с семантикой деструкции в русском языке»** – общетеоретическом введении в проблематику исследования – анализируется история изучения деструктивной лексики; описывается культурно-антропологический уровень изучаемого феномена; раскрываются проблемы соотношения текста и дискурса; выявляются особенности лингвопоэтики русской прозы эпохи постмодерна

В параграфе 1.1 **«Основные аспекты изучения и принципы описания глаголов деструктивного действия»**

представлены подходы к изучению деструктивных глаголов в современном русском языке.

Несмотря на то, что семантика и сочетаемость деструктивных глаголов достаточно полно исследованы в системно-языковых аспектах, их функционально-дискурсивная характеристика еще нуждается в осмыслении, поскольку функционирование глагольной лексики в разных типах дискурса приводит к изменениям в их семантике и синтагматике.

Значимость группы деструктивных глаголов в русском языковом сознании конца XX – начала XXI в. возросла вследствие обострения деструктивных процессов в жизни общества. Мы согласны с высказыванием журналиста В. Елистратова, назвавшего эти лексемы «ключевыми глаголами эпохи» [Елистратов 2011].

В параграфе 1.2 «Культурно-антропологический уровень феномена деструктивности» освещена проблема деструктивности с современных философских и культурологических позиций.

Феномен деструктивности достаточно сложен и объемен, рассмотрение его в лингвофилософском аспекте требует совокупности разноуровневых подходов.

На макроуровне, в общефизическом плане, наиболее общим ракурсом рассмотрения феномена деструктивности является аспект термодинамики, в основе которой лежат фундаментальные принципы, «описывающие поведение энергии и энтропии при любых возможных процессах в системе» [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_physics/2566].

Важным является и закон возрастания энтропии в закрытой системе, утверждающий, что «все реальные процессы, происходящие в материальном мире в открытых системах, необратимы» [Доброборский // <http://interlibrary.narod.ru>]. Энтропия представляет собой естественный процесс деструктуризации, саморазрушения системы, этот естественный процесс деструкции подчиняет себе и биологическую систему.

Важным является изучение деструктивности и в сфере психологии. Согласно концепции инстинкта, развитой З. Фрейдом, К. Лоренцом, основным ее истоком являются детерминированные генетическим кодом инстинкты, которые, по мнению Фрейда, имманентны человеческой природе, причем жажда агрессии,

действующая вне сферы сознания, стремится к освобождению собственной энергии, отсюда акты уничтожения, жестокости.

Деструктивность, таким образом, представляет собой разновидность действия, широко представленного в окружающей действительности, выявляющего ее категориальные признаки и выступающего как инструмент познания окружающего мира.

На основании проанализированной научной литературы по философии, семасиологии, когнитивной лингвистике мы пришли к выводу, что деструктивность как семантическая категория содержит следующий набор семантических признаков: 1) способ совершения действия, 2) целенаправленность действия, 3) результат действия, 4) орудие и средство действия, 5) качественная или количественная характеристика объекта (воз)действия.

Деструкция концептуализируется в языке различными способами, но ее семантическое ядро актуализировано следующими прототипами: 'разрушение', 'повреждение', 'разделение', 'отделение', 'обработка', 'уничтожение'.

В параграфе 1.3 «Соотношение текста и дискурса в современном языкознании» изложены основные подходы к исследованиям текста и дискурса, вопрос о статусе дискурсивной теории, рассмотрен признак адресованности в дискурсе.

Поскольку в последние годы акцент в изучении единиц языка сместился с системных характеристик на функциональные, понятие дискурса выходит на первый план. Художественные произведения, в том числе и изучаемые нами, представляют собой дискурс, т.е. «речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие (деятельность как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова 1990: 136-137].

Постмодернистский дискурс – это один из характерных признаков культуры ушедшего и наступившего столетий. Не случайно исследователи называют постмодернизм «культурной аурой эпохи» и «константой культуры».

Постмодернистский дискурс характеризуется как процесс конструирования знаков, своего рода тщательная разработка отдаленного смысла. В процессе совместной знаковой работы автора и читателя каждый знак наполняется новым смыслом.

Заметим, что постмодернистские тексты достаточно сложны для восприятия и понимания. Их называют игровыми: они воспринимаются через игру, предложенную авторами. Современные писатели-постмодернисты (В. Пелевин, Ю. Буйда, Т. Толстая и др.) опровергают традиционные представления о сюжете и хронологии, о синтаксисе и метафорической системе.

В параграфе 1.4 «Лингвопоэтическая характеристика русской прозы эпохи постмодерна» рассмотрены вопросы изучения языка и лингвопоэтических норм литературы постмодерна, понятийные средства, необходимые для описания феноменов культуры постмодернистского видения мира, выделены устойчивые содержательные и формальные признаки в произведениях постмодернистов.

Первая информация о постмодернизме «из первых рук», доступная широким кругам отечественного читателя, была опубликована в сборнике «Называть вещи своими именами» (1986), где были приведены фрагменты из предисловия У. Эко к роману «Имя розы» – тексту, который расценивается в качестве программного документа постмодернизма.

Одним из первых, кто в СССР обратился к изучению постмодернизма, был В.Я. Ивбулис, весьма осторожно осветивший данный феномен в печати, где постмодернизм трактовался лишь как новая конформистская эстетика. Значительным вкладом в осмысление данной проблематики стали работы В.Н. Курицына, М.Н. Эпштейна, И.В. Кондакова.

Произведения художественной литературы конца XX – начала XXI в. характеризуются деструкцией слова и повествования, что мы, вслед за Л.Г. Бабенко, определяем как «процесс и результат формирования текстовой картины мира, нетрадиционно, неканонично и принципиально неоднозначно преломляющей языковую картину мира» [Бабенко 2008: 137]. Деструктивная лингвопоэтика разрушает стереотипы словесного выражения и восприятия, приводит к деконструкции текста. Чтобы понять произведения этого периода, читателю требуется ключ для декодирования художественного текста.

Выделенные устойчивые содержательные и формальные признаки в произведениях постмодернистов можно определить как ярко выраженные черты постмодернистского романа:

художественный мир писателей, их эстетическое мировидение – это не только отрицание истин и высмеивание любых ценностей, но и поиск выхода из духовно-нравственного кризиса, утверждение идеалов внутренней свободы, не связанной с материальным благополучием; не только иронизирование и деканонизация, но и философичность, саморефлексия.

Самой яркой чертой и одним из ведущих приемов лингвопоэтики русской литературы эпохи постмодерна, по мнению большинства ученых, является полифункциональная повествовательная и словесная деструкция текста.

Деструкция повествования приводит к деавтоматизации чтения, возвращению к его традиционной технике. Повествовательная аномалия (как тематическая, сюжетно-композиционная, так и фонетическая, лексическая, грамматическая, стилистическая) в произведениях современных писателей мешает восприятию текста.

Для подобного повествования характерна модальная, временная и пространственная разнородность.

Во **второй главе «Семантико-когнитивный и функциональный анализ глаголов деструктивного действия»** рассмотрены особенности концептуализации и категоризации глаголов деструктивной семантики в современном русском языке, раскрыты проблемы соотношения ситуации деструктивного действия и каузативной ситуации, выявлены компоненты структуры деструктивного действия, описаны особенности функционирования глаголов деструктивного воздействия в языке русской прозы эпохи постмодерна.

В **параграфе 2.1 «Особенности концептуализации и категоризации глаголов деструктивной семантики в современном русском языке»** рассмотрены основные лексико-семантические и концептуальные параметры глаголов деструктивного действия.

Когнитивное направление изучения языковых единиц тесно связано с изучением двух видов человеческой деятельности (речевой и когнитивной). Тексты художественных произведений не только отражают индивидуальные особенности мышления индивида, но и демонстрируют когнитивную специфику языка, который является «категориальным механизмом».

Деструктивные глаголы образуют неоднородную категорию, в которой единицы не обладают аналогичным набором категориальных признаков. В качестве таковых могут быть названы следующие: 1) обозначаемое действие приводит к полному уничтожению объекта (объект существует → деструктивное действие → объект не существует); 2) действие приводит к нарушению структуры объекта (объект существует → деструктивное действие → объект не тождественен себе в силу нарушения структуры или изменения функциональных особенностей); 3) воздействие (температуры, химических элементов, природных явлений, амортизации и т.д.) приводит к саморазрушению объекта (объект существует → деструктивное воздействие → объект не тождественен себе либо уничтожен).

В нашем исследовании представлены особенности структурной организации категории деструктивности. Верхний уровень категории заполняют деструктивные глаголы со значением тотальной деструкции (полное уничтожение объекта) или убийства, так как семантически они более близки к прототипу, полностью реализующая модель деструктивного действия.

Прототип тотального деструктивного действия представляет собой следующую схему:

«в некое время субъект (с)делал нечто с объектом – вследствие этого что-то произошло с этим объектом в это же время – вследствие этого объект не может больше существовать и исчезает»: *На прошлой неделе мы подожгли пороховую камеру и все взорвалось...* [Пелевин Generation П].

Рассмотрим прототип убийства (деструктивное воздействие, которое направлено против одушевленного объекта):

«в некое время субъект (с)делал нечто с объектом – вследствие этого что-то произошло с этим объектом в это же время – вследствие этого объект не может больше существовать»: *А ведь их ловить – морока, столько грязи процедишь, пока червяря нащупаешь, да он еще вьется, за пальцы кусает, только опосля побре* [Толстая Кысь].

Следующий уровень категоризации представляют глаголы частичной деструкции, указывающие на причинение вреда или ущерба, нанесение физических повреждений и изменения,

затрагивающие функциональную сторону объекта или субъекта. Прототипы этих подкатегорий выглядят следующим образом:

а) прототип деструктивного действия, результатом которого является причинение вреда или ущерба:

«в некое время субъект (с)делал нечто с объектом – вследствие этого нечто произошло с этим объектом в это же время – вследствие этого объект или его часть не может больше существовать как раньше – вследствие этого объект не может действовать как раньше»: *В травах – цветики лазоревые, ласковые: коли их нарвать, да вымочить, да побить, да расчесать, – нитки прясть можно, холсты ткать* [Толстая Кысь];

б) прототип деструктивного действия, в результате которого кому-либо наносятся физические повреждения:

«в некое время субъект (с)делал нечто с объектом – вследствие этого нечто произошло с этим объектом в это же время – вследствие этого объект или его часть не может больше существовать как раньше – вследствие этого объект не может действовать как раньше»: *Ну и подерешься другой раз, когда и до смерти, а то просто руки-ноги ломаешь, глаз там выбьешь, другое что* [Толстая Кысь];

в) прототип деструктивного действия, в результате которого изменяются функциональные свойства объекта или субъекта:

«в некое время субъект (с)делал нечто с объектом – при этом объект имел свойство – вследствие этого нечто произошло с этим свойством в это же время – вследствие этого объект не может действовать как раньше»: *Во время наводка бурные потоки с шумом понесли с полей и огородов, пересекая улицы, разрушили редкие деревянные мостики* [Мамлеев Темные воды].

Таким образом, категория деструктивных глаголов структурируется единицами, обозначающими как широкий класс ситуаций деструктивного действия, так и конкретные действия, имеющие ограничение в процессе употребления.

В параграфе 2.2 «Соотношение ситуации деструктивного действия и каузативной ситуации» содержится описание ситуации деструктивного действия в ее взаимоотношениях с каузативной ситуацией, определение роли информации, касающейся участников и компонентов ситуации в структуре значения глаголов.

Исходя из того, что деструкция – процесс, направленный на разрушение или нарушение нормальной структуры чего-либо (чаще в результате воздействия одушевленного субъекта на неодушевленный объект), одним из важных семантических признаков изучаемых нами предикатов является наличие в их семантике признака каузативности. Прототипическая ситуация деструктивного действия представляет собой каузативную ситуацию, то есть включает как минимум две сцены, одна из которых инициирует вторую и является ее причиной. Глаголы деструктивного действия относятся к группе каузативных, разделяют общие грамматические свойства и некоторые семантические особенности последних, но все же группа каузативных глаголов семантически значительно шире.

Способы выражения каузальной деструктивной ситуации при помощи предикатов очень разнообразны: морфологический, словообразовательный, при помощи лексических средств и фразеологических оборотов, например: *разрушить, разбомбить, расколоть; разбить, расколоть; набить, подбить, пробить; ломать голову, без ножа зарезать* и др.

В параграфе 2.2.1 «Характеристика компонентов структуры деструктивного действия» представлены механизмы формирования лексического значения деструктивных глаголов как компонентов структуры деструктивного каузативного действия.

Каузативная ситуация структурируется следующими компонентами: *субъект, объект, инструмент, способ, целенаправленность действия, результат.*

Чтобы понять механизмы формирования лексического значения деструктивных глаголов, мы обратились к экстралингвистической информации о том, как процессы деструкции происходят в реальной жизни. Анализ внеязыковых источников показывает, что в процессе деструкции присутствуют инициатор, под которым мы будем понимать не только человека или группу людей, но и внутренние условия и причины, повлекшие за собой изменение объекта, и деформируемый объект. Дополнительная информация извлекается из анализа средств, причин и обстоятельств совершения деструкции. Эта информация варьируется в зависимости от ситуации. Таким образом, ситуация деструкции включает в себя следующие компоненты и признаки:

обязательные компоненты: субъект, предикат, объект;
необязательные компоненты: характеристика действия /
инструмент;

обязательные признаки: инициатор, разрушаемый объект;

необязательные признаки:

- способ совершения действия,
- характер объекта,
- орудие / средство действия,
- результат действия,
- интенсивность действия,
- оценочный компонент.

В параграфе 2.3 «Концептуальные и дискурсивные характеристики русских глаголов деструктивного воздействия» рассмотрен набор языковых средств и приемов художественного изображения, способов филологической интерпретации как «способа реализации понимания» текста.

Системные параметры деструктивных глаголов могут претерпевать изменения, которые обуславливаются типом дискурса и его целевыми установками (интенциями).

Как показывает проведенный нами анализ семантических и дискурсивных характеристик деструктивных глаголов, расширение их сочетательных возможностей связано с расширением сферы человеческого общения, которое долгое время сдерживалось этикетными и общечеловеческими нормами. При рассмотрении случаев деструктивного общения в текстах художественной литературы нами выявлено, что основным постулатом деструктивного общения в них является следующее утверждение: «я хозяин положения, а мой собеседник – жертва, и причинить ей боль любыми способами – это доблесть». Несмотря на циничность подобного заявления, именно такой тип общения присутствует практически во всех проанализированных нами текстах, поскольку современные писатели описывают приемы манипулятивного общения, авторитарный стиль, осложнение отношений по вине партнера вследствие патологической ревности, зависти, из-за чего происходит распад личности, и под. Такова «жизненная философия» героев постмодернистских текстов.

Например, Ю. Мамлеев в романе «Шатуны» создает иллюзию реальной жизни, и особая роль отводится речи персонажей, максимально имитирующей реальность. Речевые характеристики героев получают свою значимость благодаря экстралингвистическим компонентам, которые автор показывает в тексте романа. Речь персонажей сопровождается описаниями невербальных компонентов, помогающих читателю декодировать значение тех или иных эмоциональных состояний. Эти невербальные компоненты коммуникации играют ключевую роль при текстовом отображении деструктивных ситуаций общения. Рассмотрим следующие примеры:

*В этот момент Федор, судорожно крикнув, как будто опрокидывая в себя стакан водки, **всадил в живот** парня огромный кухонный нож. Таким ножом обычно **убивают** крупное кровяное животное.*

*Прижав парня к дереву, Федор пошуровал у него в животе ножом, как будто хотел найти и **убить** там еще что-то живое, но неизвестное.*

*...Ну где ты, Григорий, где ты? – вдруг запричитал он. Его **зверское лицо** чуть обабилося. Где ты? Ответь!? Куда спрятался, **сукин кот**?! Под пень, под пень спрятался?! Думаешь, **сдох**, так от меня схоронился?! А!? Знаю, знаю, где ты!! Не уйдешь!! Под пень спрятался! Злоба и ненависть перекосили его лицо.*

*И Соннов, задыхаясь от злобы, вдруг подошел к близстоящему пню и в ярости стал пинать его ногой. Пень был гнилой и стал мелко **крошиться** под его ударами.*

– Куда спрятался, сукин кот?! – завопил Федор. Вдруг остановился. – Где ты, Григорий?! Грязное отродье, клоун, свинья, мразь!! Где ты?! С тобою ли говорю?! А может ты ухмыляесси? Отвечай!?

Ярость была в его груди, в его глазах, в его руках.

Данный эпизод – пример художественного описания ситуации деструктивного общения, в которой реализуется открытая инвективная стратегия взаимодействия. Широко используются разнообразные языковые средства отражения эмоций: употребление инвективов *сукин кот*, *грязное отродье*, *клоун*, *свинья*, *мразь*, эмотивного синтаксиса, описание невербальных компонентов агрессивного общения (*завопил*, *шипел от злобы*; *злоба и ненависть*

перекосили его лицо), физиологических проявлений агрессивных эмоций (*задыхаясь от злобы, ярость была в груди*). Все перечисленное, а также сами агрессивные действия (*всадил в живот, стал пинать ногой*) показывают, какие сильные эмоции испытывают персонажи.

Исследуемое семантическое пространство (концепт) в языке литературы постмодерна представлено не только глаголами деструктивной семантики, обозначающими конкретное действие, но и лексемами, обозначающими эмотивное действие. Наиболее частотными являются концепты *гнев, ненависть, зависть*.

В параграфе 2.4 «Деструкция слова и повествования в современной русской литературе» рассмотрены особенности словесно-повествовательной организации художественных текстов эпохи постмодерна.

Деструкция повествования приводит к деавтоматизации чтения, возвращению к его традиционной технике: человеку приходится вчитываться в текст. Повествовательная аномалия (сюжетно-композиционная, лексическая, грамматическая и др.) вызывает затормаживание восприятия текста.

Чтобы понять практически любое из произведений этого периода, читателю требуется своеобразный ключ – для декодирования художественного текста.

Рассмотрим, к примеру, роман Н. Садур «Немец», который представляет собой **нескончаемое повествование**; не случайно автор предваряет его эпиграфом: «...неостановимо, без передышки...» Затрудняя читательское восприятие, сплошным потоком движется повествование, выраженное подчеркнуто дискретными и компактными синтаксическими единицами: *Вот сестры решились. Наломали стекло, наточили ножей, набрали иголок. Приставили лестницу к ее окну, залезли и навтыкали всего этого острого, злого на подоконник у влюбленной сестры так, чтобы, привстав, он себе грудь изранил* [Садур Немец].

В романе С. Сорокина «Голубое сало» содержится несколько ключей, чтобы читатель мог понять данное повествование. Особо отметим так называемый гастрономический ключ – субтексты, представляющие собой кулинарные рецепты: *Двое охранников подземной тюрьмы внесли на мраморной доске*

отрубленный торс только что умершего юноши. Торс сочился парной кровью.

– *Вырезку. На уровне почек, – приказал Хрущев* [Сорокин Голубое сало].

В приведенных отрывках использована так называемая смешанная техника, актуализирующая дискретность текста.

Следующий принцип – нонселекция как преднамеренное создание текстового хаоса – характеризует деструктивность повествования с первой страницы произведения.

Лирическое начало в исследуемых текстах проявляется в размывании границ предложения, его внутренних синтаксических структур, диффузности речи персонажей, аномальном укрупнении или, напротив, дроблении абзацев, пунктуационной раскованности (вплоть до полного отказа от знаков препинания):

И еще: бороться и искать, найти и не сдаваться, вперед, заре навстречу, товарищи в борьбе, штыками и картечью проложим путь себе – песни русских революций и гражданских войн, вихри враждебные, во саду ли... [Соколов Школа для дураков].

Прием словесной деструкции, который активно используют писатели-постмодернисты, выражает крайне отрицательное эмоциональное состояние персонажа, распад личности, разрушение человеческих отношений. Деструкция языка напрямую связывается с ощущением утраты бытия. Например, садовник, герой романа С. Сорокина «Норма», в письмах к хозяину дачи по мере вытеснения злобой всех прочих чувств переходит от достаточно выразительной речи, в целом отвечающей нормам литературного словоупотребления (*Яблони уже зацвели и очень дружно. Жасмин ваш возле терраски тоже зацвел весь...*), к речи, содержащей маргинальную (обценную и под.) лексику, постепенно переходящую в поток квазислов, деструктов, утративших семантические и грамматические признаки слова (*...я гега мага лыда тега водо тига...*). Потом пропадает и последний признак слова – его выделяемость межсловными пробелами (*роврпармиенимгоки-лгцгширонгонпре...*) И наконец все перерастает в однозвучный вопль *аааааааааа...* Данные квазислова являются экспликантами одной из стадий распада речи персонажа и, соответственно, распада его личности.

Таким образом, деструкция повествования, выраженная деструкцией текста или его части, в конечном итоге приводит к частичному или полному нарушению (деструкции) чтения и восприятия текста по «техническим» (человек не способен визуально воспринимать написанное) и психофизическим (чтение может быть прервано из-за морального отторжения и физического недомогания) причинам.

В параграфе 2.5 «Функционирование глаголов деструктивного воздействия в языке русской прозы эпохи постмодерна» выявляются особенности функционирования глаголов деструктивного воздействия в художественных текстах. Например, наблюдается повышенная частотность употребления определенных лексических единиц.

В результате проведенного исследования было выявлено, что в текстах произведений художественной литературы постмодерна наиболее употребительными являются следующие группы деструктивных глаголов:

1. Глаголы с первичным значением выраженного способа воздействия: а) нанесения удара: *бодать, бить, дубасить, долбить, лупить, садануть, шарахнуть, ударить*; б) давления: *давить, жать, мять, комкать, тискать, топтать*; в) сгибания, скручивания: *гнуть, коробить, корежить*; г) рывка, резкого движения: *драть, рвать, терзать, теребить, тормошить, трепать, дергать*; д) трения: *тереть, скрести, скоблить*; е) горения: *палить, жечь, полыхать, пылать*; ж) воздействия природных условий: *блекнуть, вянуть, гнить, преть, киснуть, тлеть*; з) действия при помощи острого режущего инструмента: *вонзать, рубить, кромсать, резать, строгать, тесать, колоть, сечь, царапать*; и) действия при помощи зубов и клыков: *грызть, глодать, жевать, кусать*.

2. Глаголы в значении уничтожения: *истребить, сжечь, топить, устранить, уничтожить*.

На основании проведенного исследования выявлено, что наиболее частотными в пределах художественного текста являются глаголы *бить* (*разбить, сбить*), *взорвать, ликвидировать, ломать, нарушать, разрушать, уничтожать, убивать*.

Исследуемое концептуальное пространство деструкции (концепт) в языке художественных произведений представлено не

только глаголами деструктивной семантики, обозначающими конкретное действие, но и лексемами, обозначающими эмотивное действие. Деструктивность в текстах современной литературы представляет собой концептуальное пространство, состоящее из совокупности различных концептов, в том числе концептов эмоций, которые вызывают и поддерживают деструктивное поведение персонажей, представления о факторах и ситуациях, способствующих актуализации агрессивности персонажей. Как показывает наш материал, наиболее частотными и, как следствие, базовыми являются концепты *гнев*, *ненависть*, *зависть*. Они возникают в результате совершения деструктивного действия, являясь прототипическими сценариями деструктивного поведения.

Нами было выявлено, что образная составляющая эмоциональных концептов *гнев*, *ненависть*, *зависть* может быть представлена группой основных концептуальных метафор: *гнев/ненависть/зависть* есть (горячая) субстанция в контейнере, живое существо внутри человека, жар (огонь), противник в борьбе, болезнь, тяжелый груз, безумие. Например: *Батя тяжело дышал, на шее вспухли вены, в безумных глазах черным огнем полыхала ненависть* [Мамлеев Шатуны]; *Тебе бог дал талант, и зависть обовьет тебя и сдавливает...* [Петрушевская Номер Один...]; *Не надо и дальше будить во мне зверя* [Пелевин Жизнь насекомых].

Что касается синтаксических особенностей функционирования деструктивов в рамках художественного текста, отметим следующее. Глаголы деструктивного воздействия (*сжимать*, *ломать*, *давить*, *рубить*, *рушить*, *взрывать* и под.) в текстах постмодернистов употребляются чаще всего в личных конструкциях, в форме настоящего или прошедшего времени. При этом субъектом действия выступают либо одушевленные имена существительные, либо заменяющие их местоимения 3-го лица ед. или мн. ч., либо природные явления:

Однажды утопил я мальчика, цыпленка такого; он так уверенно, без боязни, пошел на дно... а он ночью во сне явился [Мамлеев Шатуны].

В конструкциях с глаголами деструктивного воздействия позиция косвенного объекта обычно представляется существительными в твор. п. без предлога, в дат. и вин. п. с предлогами:

Прижав парня к дереву, Федор пошуровал у него в животе ножом, как будто хотел найти и убить там еще что-то живое, но неизвестное [Мамлеев Шатуны]; Встает и идет в угол – к топору. А топор у папани был огромный – медведя пополам расколоть можно [Мамлеев Шатуны].

Конструкции с деструктивными глагольными лексемами могут включать разнообразные обстоятельственные определители:

а) наречия и существительные в твор. п. с предлогом и без со значениями образа и способа, меры и степени действия:

*...Он (Федор) вдруг остановился и **судорожно** стал душить свою жертву [Мамлеев Шатуны]; Топил я ловко, просто, без размышления [Мамлеев Шатуны];*

б) наречия, существительные с предлогами со значением места и времени:

На девятом месяце Паша, дыхнув ей в лицо, сказал:

– Если родишь – прирежу щенка тут же в избе... Прирежу; Лида забеременела тогда, когда Паша совсем остервенел: ... бежал за ней, натываясь на столбы, и, казалось, готов был содрать кору с деревьев. Практически искусал себя и ее в кровь [Мамлеев Шатуны].

В **Заключении** обобщаются основные результаты проведенного исследования, определяются перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

В настоящем исследовании нами проанализированы основные формы деструктивов, использованных писателями эпохи постмодернизма, и установлено, что авторы отдают предпочтение глаголам, характеризующим динамику жизни. Неглагольные деструктивы отражают прагматический взгляд на человека эпохи постмодерна. Выбор слова как предиката показывает отношение писателя к функционально-когнитивным качествам деструктивных глаголов, необходимых для выражения художественно-эстетического замысла.

Результаты нашего исследования показывают, что такой подход к анализу глагольного словоупотребления в условиях художественной речи является наиболее плодотворным.

Перспектива исследования связана с изучением семантического, функционального, а также фразообразовательного потенциала деструктивных глаголов в языке средств массовой

информации. Внимания заслуживает, на наш взгляд, анализ особенностей их функционирования в различных жанрах устной и письменной речи.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

***Статьи в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:***

1. Башарова Р.Р. Каузальная ситуация и способы ее выражения в языке. – Вестник Башкирского государственного университета. – 2011. – № 3(1). – Т. 16. – С. 1057-1058.
2. Башарова Р.Р. Культурно-антропологический уровень феномена деструктивности – Вестник Башкирского государственного университета. – 2011. – № 3(1). – Т. 16. – С. 1059–1062.
3. Галиева Р.Р., Фаткуллина Ф.Г. Лингвофилософский аспект категории деструктивности // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 185–189.
4. Галиева Р.Р. Функциональные признаки «участников» прототипической ситуации деструктивного действия // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/122-21307> (дата обращения: 17.08.2015).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

5. Башарова Р.Р. Стилистические особенности языка художественной литературы // Русское слово в Башкортостане. Материалы региональной научно-теоретической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 317–322.
6. Башарова Р.Р. Речевые модели в прозе конца XX века // Межвузовский сборник научных статей «Система языка: синхрония и диахрония». – Уфа, РИЦ БашГУ, 2009. – С. 26–31.
7. Башарова Р.Р. Интертекстуальность в литературе постмодернизма // IV Кирилло-Мефодиевские чтения. – Уфа: Изд-во Уфимского филиала ГОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова», 2010. – С. 38–40.

8. Башарова Р.Р. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века // Материалы международной научной конференции «Актуальные проблемы современного языкознания: основные тенденции и перспективы развития». – Караганда: Центр гуманитарных исследований, 2009. – С. 57–59.
9. Башарова Р.Р. Функции глаголов деструктивной семантики в художественном тексте (на материале прозы Ю. Мамлеева) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы современной филологии и аспекты преподавания филологических дисциплин в техническом вузе». – Уфа: УГНТУ, 2010. – С. 36–40.
10. Башарова Р.Р. Метафизический реализм Ю.В. Мамлеева // IV Кирилло-Мефодиевские чтения. – Уфа: Изд-во Уфимского филиала ГОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова», 2010. – С. 40–42.
11. Башарова Р.Р. Семантическая характеристика глаголов разрушения в русском языке // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований 2011». Т. 25. Философия и филология. – Одесса: Черноморье, 2011. – С. 85–88.
12. Галиева Р.Р. О семантической деривации в сфере лексики со значением деструкции // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции 30 июня 2015 г.: в 6 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. – Часть VI. – С. 8–11.
13. Галиева Р.Р. Компоненты ситуации деструктивного действия // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции 31 января 2015 г.: в 6 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. – Часть VI. – С. 8–11.
14. Галиева Р.Р. О понятии «постмодернистский дискурс» // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе» (28-29 января 2016 г.). – Уфа: УГНТУ, 2016. – С. 51-54